

**II Всероссийский конкурс
литературных работ
людей с нарушением зрения
имени Эдуарда Асадова**

A POSSE AD ESSE

Автор:

**Артём Сергеевич
Шишкин**

2023 г.

A posse ad esse¹

*Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, —
И, если твой талант крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса,
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибор
Бежит по бездне голубой.*

Константин Бальмонт

Как пишутся литературные произведения?

Пламенно, страстно, вынимая из сердца опыт увиденного и пережитого. Как был написан «Тихий Дон».

Поспешно, оглядываясь, ощущая на плече костлявую руку смерти, выплёскивая из себя физическую боль на страницы рукописи. Как увидел свет «Заводной апельсин».

Созерцательно, в широкополой шляпе на веранде, рассматривая вечность в капле воды. Как писался «Старик и море».

Умиротворённо, грамотно и выверенно, в профессорском кресле, в осенних пейзажах старой Англии. Так родился «Хоббит».

Но есть такие произведения, которые появляются в этом мире самым загадочным образом. Истории, на которых они основаны, не выдуманы у камина. Не сочинённые на задней парте скучного урока. Эти истории суть есть описание неких миров. Не рукотворных вселенных, не антропогенных. Эти миры входят в наш миропорядок сами собой. Без спросу проникают тонкую ткань реальности и терпеливо ожидают того, кто сможет пройти через их незримую завесу. Кто сможет проникнуть в сказочный Закров. Трудно сказать, какими качествами должен обладать человек, которому откроются эти потаённые пути. Как и трудно сказать, в каких местах планеты он их встретят. Но счастливицу, открывшему дверь в это диковинное мироздание, откроются поистине восхитительные и сказочные вселенные. Должно быть, про такой случай были написаны легендарные строки гениального русского писателя: «И там я был, и мёд я пил; / У моря видел дуб зелёный; / Под ним сидел, и кот учёный / Свои мне сказки говорил».

¹ От возможного к реальному (лат.).

Таков и мой опыт. Мне знакомо то, о чём писал Александр Сергеевич.

И мне капризная фортуна,

Свой щедрый дар преподнесла.

Я тоже видел дуб зелёный,

Я тоже плавал в те края...

Остров детства моего

Когда-то давно, во дни моего советского и счастливого детства, я проводил лета у бабушки в уральской деревне. Это были светлые и добрые дни, когда небо было необычайно высоко, в траве за огородами можно было заблудиться, а и без того огромное озеро казалось настоящим морем. Над его гладью летали крикливые мартыны, а постоянный здесь ветер приносил необычайно волнующий запах большой воды, рыбы и таинственных открытий. Здесь всё было необыкновенных масштабов и размеров. И всё было иным, нежели в мегаполисе. Другими были цвета, запахи, вкусы, обычаи, говор и даже язык. Словно иностранцу, мне приходилось запоминать названия предметов, которые в моём городском мире либо назывались совершенно по-иному, либо отсутствовали напрочь. Не забор, а прясло. Не прихватка, а горшевик. Не кошачья миска, а черепушка. Язык был русским, но говор чисто казачьим. Но более всего меня поражало обилие жизни вокруг. Это буйство и щедрость природы перенасыщали моё воображение городского жителя. И для меня, десятилетнего мальчишки, этот мир был грандиозен. Просто невообразим. Это была моя ойкумена. Границы которой проходили через огородные гектары, поле за огородами, пустынный берег, камышовый пруд и через мою романтическую душу.

Дом был старый, большой, с толстыми венцами сруба. Он был построен ещё до революции двумя братьями-казаками и потому был на двух хозяев. За едва ли не столетнюю его историю дом принадлежал нашей семье, но в годы моего детства обитателями его были моя бабушка Александра Степановна и её младший сын, мой дядя Вова. Однако дом по-прежнему имел по два крыльца, двое сеней, две полати и по две русских, но так непохожих друг на друга сказочных печи. То была казачья изба с остатками былой красоты в виде сохранившейся кое-где резьбы. Стояла она несколько на отшибе деревенской жизни. У «самого синего моря». Места эти и без того не были обеспокоены частым появлением людей. В полуденные же часы жаркого лета вся округа и вовсе переносилась в какой-то параллельный мир. Где во всей вселенной я оставался наедине с собой. Это ощущение становилось всепоглощающим в снежные века долгих зимних месяцев. Выюги и метели толстым ковром искрящихся снегов укрывали одинокую избу, располагавшуюся в низинке. Зима заваливала её холодным пухом по самые стрехи и ограничивала человеческую деятельность отапливаемой частью избы. Жизнь засыпала лесным стариком на долгие-долгие месяцы. Просыпалась замоченными в капроновых крышках семенами лишь с первым теплом. Расцветала в мае. И ничем не ограниченной природой буйствовала всё жаркое лето.

Вот в такие лета моей жизни я и проживал в деревне с непонятным для меня башкирским названием. Сразу по началу каникул нас вместе с сестрёнкой отвозила туда мама. И задержавшись на несколько дней, вновь уезжала обратно, к отцу и на работу. Но перед самой деревней были волнительное ожидание, суетливые сборы и долгожданная поездка. Которая сама собой превращалась в настоящее приключение. С вокзалом, прощанием с отцом, ночёвкой в поезде, с сонным утренним перроном, с поездкой на трамвае по незнакомому городу, пересадкой на пригородный автобус, с ещё одной пересадкой в небольшой пазик. И наконец, под вечер, последний этап пути — пешая прогулка на противоположный край деревни. И уже там — счастье встречи, теплота объятий, самовар чая, подарки, новости, разговоры и тихая беседа далеко за полночь у тёмного, словно вода в

проруби, кухонного оконца.

Утро же неизменно начиналось с диковинного пения петуха, жившего где-то в деревне. Загадочная птица, раз и навсегда отказавшись от классического «кукареку», исполняла свои вокальные обязанности особым и неповторимым кличем. Но как бы рано я ни просыпался, бабушка всегда уже находилась на ногах. Исполнив все необходимые дела по хозяйству, она уже была на кухне. Что это были за завтраки, коими она потчевала нас с сестрой, я не забуду никогда. Даже по прошествии всей жизни, получив опыт посещений сотен ресторанов в десятках городов нашей страны. Всё, что было на деревенском столе, всё было выращено в этом доме и сделано заботливыми умелыми руками бабушки. Простая, но дивно вкусная всегда свежая деревенская пища. Особо нам с сестрёнкой запомнились беляши с молоком. Бабушка пекла их в количестве, помещавшемся только в здоровенный тазик. Эту гору она относила из чада жаркой кухни в противоположную сторону избы. Здесь была утренняя столовая с большим круглым столом у окна. И горячие беляши, их сок на губах, кружки с холодным молоком и огромное яркое и по-утреннему малиновое солнце, улыбавшееся нам из окна.

После чего каждый из нас был предоставлен самому себе. Сестрёнка убегала к дачникам, где у неё были подружки. Дядя уходил на работу. А бабушка, глава дома и душа всего этого большого хозяйства, она словно бы растворялась в нём. То там, то здесь, во дворе и на огороде, в избе и в саду слышались звуки работы. Звенела посуда, ворочалась заслонка большой русской печи, глухо стучалась деревянная весёлка о толстые стенки глиняной ступки, ударялись друг о друга дрова в дровянике, жухнув, входил в землю острый край тяпки, гуляла метла по ограде, сыпалось зерно, кудахтали куры, слышалось «тега-тега-тега», и нёсся над двором ароматный запах затопленной бани. Но в своих играх нигде не мог встретить я бабушку. Нигде нельзя было заметить её зримое присутствие. И казалось, что она сама волшебным образом воплотилась сразу во всём хозяйстве большого дома. Как будто диковинные чары управляли всей производимой работой. Как будто те самые хтонические домовые, овинники, банники и прочие сказочные существа помогали хозяйке. Но как только голодный вступал я на порог дома, как тут же возникала она, и вместе с её улыбкой и ласковым голосом вступали в избу уют и доброта. Закипал, посвистывая, старинный чайник. Появлялись на столе те самые деревенские яства, неведанные мне, городскому ребёнку.

Оставленный всеми, свои дневные приключения я находил сам. И находил их везде, куда только мог добраться. Ближе всего мне были все те богатства из дерева, железа и стали, которые были разложены, развешаны и рассованы практически по всей «мужской» половине дома. Там, где обитал дядя Вова и где жили гости мужского пола. Целый сарай, полностью вторые сени и частично его горница содержали огромное количество всевозможного инструмента для самых различных работ. Огромный ассортимент гвоздей, болтов, гаек, шурупов и прочей мелочи хранился в консервных банках самых разных размеров и видов. Удочки и спиннинги, «морды» и закидушки, мотки лески, крючки, гарпуны и грузила. Целый набор шутовин для починки, постройки и управления лодкой. Полки с принадлежностями от мотоцикла и для него. Ящики и сундуки с таким, чему я даже не мог придумать название. Дядина горница была отдана охотничьим трофеям и тому оружию, которым они добывались. На улице под навесом стояли отдельно сломанный мотоцикл «Ява» малинового цвета и облюбованная курами

люлька. Ещё один «текущий» мотоцикл стоял в сарае и постоянно чинился. Это было царство мазута, ржавчины, пыли и металла. Мужское государство, хозяином в котором был мой дядя.

Но был здесь и творец, создатель всего этого. Его незримое присутствие ощущалось во многих из перечисленных вещей. О нём часто вспоминали и говорили с уважением. Мой дед Иван. Умерший ещё до моего рождения, он создал и накопил многое из того, что перешло по наследству его сыновьям. Он жил в этом железе, в сделанных им надворных постройках, в его лодках и в вещах, которые он сделал своими руками. Дедушкина вилка, дедкина ложка, Иванов нож, скамья, мухобойка, футляр из кирзового сапога. И кто бы ни брал в руки эти предметы, обязательно в мыслях своих касался памяти об их создателе.

Однако деревня — это всё-таки про живое. И этого живого здесь было предостаточно. Кроме животных, птиц и рыб, здесь активно плодились, размножались и чувствовали себя хозяевами сотни насекомых. Это были не какие-нибудь пошлые городские тараканы, а настоящие дикие аборигены лесов, полей, прудов и озёр. Я боялся и интересовался ими с одинаковой силой. Но как может оставить равнодушным огромная, кажется, созданная из драгоценных камней пучеглазая стрекоза размером с ладонь? А здоровенный покрытый хитиновым панцирем силач жук-носорог, не помещавшийся и в два спичечных коробка? Обилие жизни вокруг меня буквально поражало. По контрасту с городским пространством, где природа была строго одомашнена, в деревне её было сложно загнать хоть в какие-нибудь рамки. Это частично удавалось, но исключительно в тех окультуренных пространствах, которые назывались садом и огородом. Здесь, в царстве плодовых деревьев, грядок и посадок, в самом центре возвышался колодезный сруб и высокий шест журавля. «Журавель» — так называла бабушка это приспособление для подъёма воды из недр колодца. От зелёной стихии этот уголок культуры отгораживал живописный забор. Кроме широких полос деревянных досок, он включал в себя самые различные составляющие: старые двери, части мебели, детали корпусов сельхозтехники, крыши. В ход шло всё, что только было способно заткнуть прорехи в борту этого ковчега и не дать просочиться океану, бушующему по ту сторону. Сходство с кораблём дополняли вездесущие сети. Сети были везде. Старые и новенькие, чинимые и драные, отданные на бытовые нужды. Они висели на заборах, по ним вился плющ, они лежали мотками в амбаре, сушились растянутые на жердях и даже были натянуты на специальные огромные «пяльцы» для их вязания. Сети своеобразно декорировали это место, они имели цвет озера и пахли озером.

Но каковы бы ни были гектарные размеры огорода, это была лишь тысячная часть от того «дикого поля», что окружало эти островки культуры. «Выгород» — так называлось та пучина зелени, что начиналась сразу за забором картофельного поля. Здесь травы были высотой с человека и подчас напоминали древовидный кустарник. Нарушая закон гравитации, под жаркими лучами солнца, напоённая дождями и сыростью от озера, ничем не ограниченная, трава пёрла во все стороны. И вот там, в её глубинах, скрывался целый археологический раскоп. Фундамент век назад разрушенного дома, останки построек, осколки неизвестной жизни. Конечно, бабушка знала историю этого исчезнувшего дома, но для меня это была загадка. И торчавшие из трав остатки сгнившего колодезного сруба делали её страшной. Эта колодезная башня, почерневшая от времени, трухлявая, осклизлая, с дурно пахнувшей жижей на дне, просто кишела разнообразными насекомыми.

Словно крепость-антагонист в романе Толкина «Две башни», она находилась через забор, напротив той, из которой мы брали воду высоким «журавелем». Жути нагоняли и бабушка с мамой, населяя этот колодец и развалины совсем не фольклорными существами.

Ключи и уключины

Ещё одним и едва ли не главным для меня местом притяжения было озеро. Оно плескалось прямо за забором. Его было видно даже с крыши навеса, было слышно даже с самой дальней точки огорода, его запах проникал даже в избу. Его близкое присутствие ощущалось везде и всегда. Озеро было большим, и его противоположный край был едва намечен лёгкой щёткой леса. Его питали живительные ключи, а из глубин его возвышался обязательный для всех полноценных озёр остров. Богатое, рыбное, оно щедро кормило любого, кто отправлялся на промыслы. А ещё, как и многие озёра Урала, оно было древним. Осколком гигантского допотопного океана, на берегу которого росли древовидные папоротники и жили неведомые существа. Но и по прошествии тысячелетий, превратившись в озеро, его воды не стали менее таинственными.

Привязанная цепью к металлической трубе на озёрном берегу находилась большая рыбацья лодка моего дяди. Подчиняясь волнам, гонимым частым здесь ветром, лодка то качалась на волнах, будто удерживаемый привязью вольный конь, то сушила свой нос на белом песке берега. В те часы, когда она не использовалась по рыбацкому своему назначению, лодка становилась местом для игр детворы и свиданий пар юного возраста. Иногда люди постарше просили ключ от замка, и дядя давал им его — большой, с простовато выполненной бородкой. Ключ, полый для весёлого в него свиста, становился ключом к плавному путешествию деревянного скакуна по водной глади озёрной степи. В этой лодке я проводил множество своего времени, свободного от чтения книг, заданных на каникулы. И чаще всего не плавая с дядей выбирать сети, а сидя в ней на берегу. Играя, мечтая и воображая из неё корабль. «Корабель» — именно так и называли все лодки местные жители.

За оградой, вдоль бревенчатого сарая со скамьёй возле него, с чёрным от потёков гудрона днищем лежала вверх дном лодка вторая. Обе эти лодки, роднясь по-сестрински древесной своею сутью, были абсолютно различны по форме. И словно день и ночь, они никогда не встречались вместе в волнах озёрной глади. Чёлн и плоскодонка. Тогда, когда одна из них мерно покачивалась на волнах, вторую чинил и смолил у ворот мой дядя. Таковая жила всё лето в зелёных волнах трав, а по окончании ремонта несла испытания на небольшом болотистом пруду напротив дома. Когда же лодка была готова к хождению по «большой воде», дядя водружал её на двухколёсную телегу с длинными оглоблями и вёз спускать на озёрную гладь. Тогда как сестра её, вернувшись, занимала место ушедшей. Напротив скамьи, где многочисленные обитатели этого большого дома встречали закатные зарева.

И это был ритуал, повторяющийся из поколения в поколение.

Иные лета нередкий и в обычные годы ковыль и вовсе вытеснял травы, покрывая все земли в округе своими белыми венчиками. И в деревню приходило молочное и шелестящее море. На селе боялись засилья ковылём полей и пастбищ. Скотина не ела этой травы, а даже случайное её попадание в организм могло вызвать смерть животного. А потому телята, свободно бродившие по всей деревне на подножном корму, были вынуждены искать пропитание за далёкими базовками. Либо, словно проказливые мальчишки, лазить по огородам. Для меня же такие «ковыльи» лета становились временем незабываемым. Вся округа тонула в колючих колыхающихся на ветру серебристых волнах. И тогда лодка погружалась

в это море. Накренившаяся набок, она захлёбывалась этой стихией. Ковыльи воды перехлёстывали через наклонённый борт. Брызгами белой пены заполняли её всю колкими длинноусыми семенами травы.

Но были и ещё лодки — загадочные, затерянные, затонувшие.

Одна из них лежала забытой развалиной в самом углу картофельного поля. За забором, который выходил прямо на берег пляжа. Старая, в пробоинах, нанесённых ею временем, эту лодку постигла парадоксальная судьба найти свой последний приют в пучине трав. Угол, где была она затоплена, как, собственно, и все углы по-настоящему больших огородов, никогда не отчищался от травы. Отчего десяток квадратных метров занимали настоящие травяные дебри. Травы десятилетиями опутывали её и оплетали. Проникали внутрь, насквозь, прорастали из отверстий в корпусе. И меня захлёстывало воображение, когда я представлял, какой мир скрывается под её перевернутым вверх днищем. Местные жители, дачники и приезжие, каждый тёплый день ходили мимо неё на озеро. И никто во всём мире, кроме четырёх человек, не знал о ней. Это была моя тайна. Но ещё большей тайной была история этой лодки. Никто, даже моя бабушка, помнящая, казалось бы, всё и обо всём, не мог вспомнить, как лодка оказалась на её нынешнем месте.

Роднило же все эти и многие другие лодки одно — все они были сделаны руками моего деда и ему же принадлежали. При жизни дед Иван был известным и даже легендарным человеком. Жаль, я не успел родиться до того, как он свёл себя в могилу. Дедушка мой был моряком-мотористом по воинской специальности, служил моряком и остался таковым по отбытию на «гражданку». В своей деревне он работал рыбинспектором и отвечал как за разведение рыбы, так и за её ловлю. Озёрный хозяин. Повелитель рыб. Он чаще всех плавал по озеру, лучше всех знал его и больше всех его любил. Речкалов — такова была его говорящая фамилия. «Папка рыб» — так называли его многочисленные дети. «Иван Сергеевич» — так уважительно величали его все остальные. Это была неординарная и противоречивая личность. Великий в своих деяниях и проступках человек. О его геройствах как в кавычках, так и без оных был наслышан весь район. Иван Сергеевич имел беспокойную казачью кровь, медвежатую фигуру, красивую внешность, крутой нрав, спокойный, но с «чертовщинкой» характер, был отзывчив, выписывал толстенный политико-экономический бюллетень, любил лихие забавы и хоть и редко, но метко употреблял горькую. Это-то последнее и стало причиной того, что мы с ним разминулись в своих жизнях.

Но была у дедушки и ещё одна лодка. Единственная из его многочисленных лодок, которую он не сделал собственными руками. Не лодка, а действительно «корабль». Большая, целый баркас, дюралевая, с мотором, она была дана Ивану Сергеевичу в служебное пользование. И отслужив ему верой и правдой, она пережила деда Ивана на многие годы. Это четвёртая лодка, которая была в моём детстве. Я застал её затопленной и лежащей на дне в метрах десяти от берега. Но ушедшая под воду уже после смерти хозяина, она отказалась уходить в прошлое. Словно памятник, её высокий нос и по сей день возвышается над водой и ломает озёрные волны и течение времени. Памятник человеку и память о его пребывании в этом мире. Дедка живёт в этом «озере», которому он служил, и во всех этих местах, в которых прошла его жизнь. Трудно сказать, почему его сыновья не подняли этот «корабль» со дна. Но не произошло этого и гораздо позже, после смерти деда. Уже в новые времена охотники за цветметом пытались вытянуть лодку трактором.

Однако, порвав несколько тросов, но так и не пошатнув её корпус, они оставили её в покое. И глядя на их тщетные попытки и недоумённые лица, деревенская детвора только хитро улыбалась. Она-то точно знала, что или кто держит под водой и не пускает лодку. Кто по ночам скрипит её уключинами.

О, это озеро!

Дети обрата

О, эти деревенские дети! Друзья-мальчишки и, конечно же, загадочные девочки. Во всё дневное время деревенских ребятишек в играх было не сыскать и лишь только «после коров», с коими оканчивался рабочий день сельской детворы, можно было рассчитывать на совместные приключения. И эти приключения начинались сразу же у огромного загона, куда пастух пригонял стадо. И куда за своими «кормилицами» матери отправляли детей. За полчаса, а то и за час собиралась здесь ребятня самых разных возрастов. Они кучковались по интересам, седлали высокие жерди забора, сидели на траве, возились на берегу пруда и строили планы на вечер. На тот короткий срок «от загона до заката». Влекомый этими приключениями, ходил к загону и я.

Местные ребята сразу приняли меня в свой коллектив. В эти лета нам были не знакомы те исторические причины, которые делят людей старшего возраста на городских и деревенских. Мы были интересны друг другу, и мои друзья, как гостеприимные хозяева этих мест, щедро делились их тайнами и секретами. Казалось, мы обошли и облазили всю деревню, её околицу, ближайшие достопримечательности, лесные колки за шоссе, развалины колхозных строений и даже дальше кладбище. И могу сказать точно: такого, что показали мне мои друзья, я не увидел бы ни в одном городе мира. Чего стоят только огромные остовы сельскохозяйственной техники, выстроенные в два ряда. Друг против друга эти монстры исчезнувшей техноцивилизации забирали кучу нашего свободного времени. Становились источником игр и причиной наших ссадин. А лабиринты базовок, оставшихся от колхоза? В них можно было не только потеряться, но и найти артефакт ушедшей эпохи. А затопленные прибрежные низинки? В них всегда тёплые волны колыхали траву, создавая жуткую и завораживающую картину шевелящихся волос. В этих подводных травах дремали большие окуни и жили утопленницы. А тот самый древний колодец «на задах»? Взрослые говорили мне, что там живёт Игарма. И я в это верил. Как верил я и в рассказы бабушки о шуликинах на пружинках, которые появлялись за оградой сразу, как стемнеет. И если тогда верить в это было страшно, то теперь приятно.

А как, скажите, можно забыть ночные купания голышом? Лай собак в деревне, мычание запоздалой коровы, крик матери, зовущей ужинать, люди... всё это далеко, позади. За спиной. Впереди луна, серебристая дорожка и стена лохматых камышей. А вокруг тебя разлито целое море чернильной тьмы. Вода темнее космоса. И в ней полно жизни. Но какой? А ты идёшь вперёд. Шагаешь полностью обнажённый, осторожно ступая по мягкому дну. Идёшь на спор сам с собой. Идёшь проверять крепость своего духа. И ты уже настолько возбудил свои и без того напряжённые нервы, что всё то, чем тебя пугали деревенские мальчишки, всё то, чем тебя стращали взрослые, всё то, что ты сам себе нафантазировал, всё начинает происходить. Вот чья-то тень мелькнула на поверхности воды. Вот что-то коснулось твоей ноги. Вот чьи-то холодные щупальца обвили ступню. Тебе кажутся шорохи и движение в камышах. Тебе слышится всплеск за спиной. И вот ты уже уверен, что рядом с тобой, прямо у твоего бедра, замерло огромное тело неведомой чёрной рыбы. Это потом, лет через пять-шесть, ночные купания с девчонками под луной будут будоражить совсем иные чувства. А тогда... Скажу честно, дойти «по шейку», не сбежать на берег, поплавать в этой жидкой темноте я смог только на третий раз.

Ах да, эти деревенские девчонки. Как же можно говорить про моё летнее детство и не упомянуть про них? Начиная уже с детсадовской песочницы жизнь баловала меня вниманием противоположного пола. И я с радостью отвечал ему взаимностью. Я так же легко и с интересом мог играть как в ватаге дворовых пацанов, так и в коллективе прилежных девочек. И самым непринуждённым образом находил общее и с теми, и с другими.

Но вот девочки из деревни, они были совсем не похожи на тех городских куколок и барышень, которых я привык наблюдать в школе и во дворе. Для меня деревенские девочки были озёрными нимфами, лесными феями, цветочными эльфами и в целом существами природы, частью всей той кипучей жизни, что буйствовала вокруг меня. Возможно, так было потому, что для меня это были «летние» девочки, и я не видел их в обстановке школы прилежными ученицами в строгой форме. Я видел их одетыми в старенькие платьица, в шитые матерями и бабушками юбки, самоштопанные футболки, самодельных украшениях, часто босых, но никогда не «распатланных». Я видел их помогающих матерям по хозяйству, доящих коров, работающих на огородах, готовящих еду. Они одинаково легко могли отличить съедобные грибы от ядовитых и разделать только что пойманную отцом ещё живую и трепыхающуюся рыбу. Они сноровисто обходились со скотиной, были умелыми рукодельницами, отлично плавали, знали лес, умели заговаривать боль. И они совершенно не боялись насекомых. «Маленькая хозяйка большого дома» — это было про каждую из них.

В играх своих они редко пересекались с мальчишками. Но для меня, как представителя «инога мира», они делали исключение. Для этих «летних» девочек я тоже представлялся мальчиком из города, а значит, воспитанным, уважительным и не таким грубияном, как их пацаны-односельчане. И я с удовольствием проводил с ними время. Нет, не вечера «после коров», это время было полностью отдано настоящим пацанячьим делам.

Деревенские девочки имели такую привилегию, как дневной отдых, в который они и собирались для своих посиделок. Мне дико нравилось наблюдать за ними. Не влезая в их игры, я просто присутствовал при этом. И меня это буквально завораживало. Я смотрел, как они двигаются, разглядывал их лица, слушал их разговоры, вслушивался в голоса. И когда моё присутствие становилось чем-то обыденным, моим ушам раскрывались их маленькие секретики. Позднее, лет в двенадцать, я даже подружился с одним из этих «цветочков». Девочка рыжая, словно мак, остроносенькая, с озорными лисьими глазками. Всё теми же полуденными часами мы укрывались от зноя в избе и, усевшись за стол в прохладной горнице рядом друг с другом, нос к носу читали одну книгу на двоих. И частенько лоя на своём лице лукавый взгляд этих лисьих глаз, я не понимал, почему ей не интересен Роберт Льюис Стивенсон?

В гостях у сказки

Но всё же по большей части с утра и до вечера я был предоставлен самому себе. Я оставался один во всей этой безлюдной, но населённой древними вещами деревенской вселенной моего детства. Я был укрыт природным куполом сказки. Я бродил и лазил в пределах дома и за оградой, затерявшись в сём великом пространстве, мечтал, лёжа в высокой траве. Вся территория с большим прудом и целым травяным царством летнего поля была в моём распоряжении.

С собой из города я привозил немного. Носимые вещи, любимые игрушки, а также книги, которых не было в библиотеке дяди. Книги, не только обязательные для внеклассного чтения, но и книги приключенческие. Книги, которые в те советские годы читали все мальчишки страны. Про ковбоев и индейцев, бойцов Красной армии, покорителей космоса, отважных путешественников и про Древнюю Русь. Ну и конечно же, эти миры забирали мой покой и частично сон. Мир вокруг меня был, без сомнения, удивителен. Но как же мне в нём не хватало захватывающих событий! А потому я придумывал их сам.

Среди прочего в моём походном рюкзаке было то, что сопровождало меня каждую поездку в деревню. Десять моих любимых пластмассовых солдатиков. Пять отлично проработанных объёмных русских витязей и столько же их антагонистов — европейских рыцарей. Набор солдатиков привёз мне в подарок отец из командировки и буквально подарил мне счастье. А позднее моя мама, художник по специальности, сделала мне такой же по значимости дар, профессионально раскрасив их в разные цвета.

Я очень любил этих своих друзей. Динамические позы, выразительные лица, грозное оружие, мельчайшие детали брони... Я мог подолгу рассматривать их, замечая всё новые и новые подробности. Где только этих воинов не мотала судьба в моём лице! Они сопровождали меня повсюду, где бы я ни находил себе приключения. Они плавали на лодке по озеру, строили крепости из песка, собирали камышиный терем, осаждали замок в трухлявом пне, обороняли кремль из здоровенных окатышей, сражались с пауками и двухвостками, терялись и вновь находились в высоком лесотравье. Конечно, в городе они тоже жили своей жизнью, но это было не то. Здесь же я выстраивал для них целые миры.

Но в особинку у меня была одна игра. Я расставлял своих солдатиков на поверхности и, опускаясь на их уровень, смотрел на мир с их точки зрения. Смотрел на мир их глазами. Смотрел долго, представляя себя на их месте. И с этой точки зрения мир был совсем иным. Он увеличивался в несколько раз! Лежащая вверх дном лодка становилась городом. Каменная завалинка казалась крепостной стеной. Озеро было настоящим неизведанным морем, где водятся чудовища. А трава возвышалась до неба и превращалась в чащу, наполненную тайнами и сказками. Я придумывал целые истории с моими рыцарями и разыгрывал целые сценарии. Не поднимаясь животом с травы, присев у стола, скрючившись в лодке, я жил их жизнью. Уйдя самозабвенно в игру, я заигрывался настолько, что моё сознание входило в выбранного героя. И даже больше. Моя душа вселялась в него. Я становился воеводой княжеской дружины.

В полуденные часы, когда солнце в зените величит небесную твердь, крася светлой бирюзой беспредельно глубокое небо, а движимые ветром торжественно

чистые облака медленно плывут в лазури высоты, я расставлял на утонувшей в травах лодке своих солдатиков и ложился на её дно. Под звуки деревни, постепенно переходящие в убаюкивающий шёпот, я подолгу вглядывался в эти цветные фигурки, так красиво возвышавшиеся на фоне небесно-голубого купола. И мечтал. Выдумывал истории с ними. Я оживлял их...

Постепенно тело моё наполнялось теплотой, исходящей от парящей земли, полуденная марь смежала веки, и лёгкий ветерок с озера уносил явь, погружая в чудесное забвение. Сонное кудахтанье дремавших в высокой траве кур становилось слабее, деревенские собаки смолкали, а необычный и забавный крик петуха посреди деревни всё более и более отдалялся в пространстве и времени. Я постепенно терялся в окружающем мире. Уменьшаясь в размере и значимости, я в то же самое время растворялся в нём. Я сам становился этой вселенной. А вокруг вздымался совершенно иной, диковинный мир. Он расцветал травой до небес, врвался запахом полевого разнотравья, рвался в уши шорохом полуденной тиши и полностью растворял меня в себе. Всё вокруг менялось. Небосвод, доселе и без того неохватный и оглушительно-огромный, становился ещё более невообразим. А под ним, пронизаем и незрим, опускался переливчатый жемчужно-радужный купол. Закров. Он словно бы огромной чашей мыльного пузыря закруглял свои края сразу же за огородами и точно ограничивал мою дозволенную для посещения ойкумену.

И такие переходы могли застигнуть меня не только в ковыльем пуху на дне лодке. Это удивительное состояние мог принести и летний грозовой ливень, заставший меня хоронящимся под днищем перевёрнутой для осмолки плоскодонке. Это могло случиться и в нагретом солнце шалаше под старой ивой. И на меленькой травке-мокрице, так ароматно пахнущей зелёными яблоками. И с книгой в полях за огородами. И в убаюкивающе покачивающемся на волнах челне. Всё это были лишь тончайше-пронизаемые, незримые врата куда-то в фантастические реальности. В разные части одного огромного мира. В места все разные, все по-иному расцветенные, и всё в разных тонах и настроениях.

Было лишь одно необходимое условие — все эти переходы открывались исключительно в полдень.

Спал ли я, бодрствовал или же пребывал между сном и явью? Тогда я не задумывался над этим вопросом. Мысли в моей голове замедляли свой бег, полностью останавливались и затем, словно бы проснувшись в ином мире, другом измерении, продолжали жизненное движение. Слово полуденный час являлся той точкой перехода, за которой я был уже не совсем я. Мысли мои как бы уже не принадлежали мне. Продолжая ощущать себя собой, я смотрел на мир чужими глазами, слышал окружающее чужими ушами и постигал чужим восприятием. И тогда менялись, перерождались в нечто иное и два больших каменных жернова, и каменная пирамида округлых голышей, и подставлявшая свою горбатую спину солнцу деревянная лодка. Частые здесь ветры послушно стихали и лишь ласково волновали зелёное море трав. Трав, в коих рождалась новая загадочная и дивная жизнь. А сама трава протягивалась до небес.

Однако в моих полуденных путешествиях я был не один. Теряя свой рост, я обнаруживал в глубинах трав, на песчаном берегу, под перевёрнутой лодкой за забором и даже в пучинах озера целый мир созданий. Вместе со мной уменьшались и все представители фауны. Люди, звери, птицы, насекомые... все они перемешивались, создавая диковинные и дикие видом существа. Жуки-

рогачи превращались в закованных в панцирь рыцарей. Полчища двухвосток становились ордами куйреков-кочевников. Коварные осы перевоплощались в крылатых ромеев из королевства в дупле. Муравьиное царство бородатых витязей располагалось в кремле из окатышей. Из листьев огромного лопуха выкраивали себе дома ловкие и хватистые косцы. Глубины пруда населяли чешуйчатые горбены с лентами водорослей в волосах. В травяном лесу скрывались крылатые кровопийцы угрызы. А над всем этим миром драконом парил гигантский коршун. Звери наделялись разумом, насекомые обретали человеческий облик, а люди становились обладателями способностями насекомых.

Что это было? Чем и как можно объяснить то, чему свидетелем я становился? Родители, которым я иной раз пересказывал свои путешествия, уверяли меня, что виной всему полуденные сны, моя гиперактивность и «чересчур повышенная восприимчивость». Лишь только бабушка и дядя, исконные и истинные обитатели сей «деревянной ойкумены», усмехались и понимающе улыбались, храня тайну этих мест.

Долгое лето моей жизни. С конца мая по конец августа. Я плыл в нём, ожидая его окончания не только с величайшей неохотой, но и с нетерпением. В конце августа приезжали родители, совместившие свой долгожданный отпуск. И первым приезжал отец. Отца любили в этом старом доме и встречали его с радушием. И уже с самого утра, наверно, дня за три до его приблизительного приезда, я дневал за оградными, резными и поросшими травой давно уже не открывавшимися воротами.

Помню как сейчас полуденное жаркое солнце, застывшее в мареве время и папу с его большой спортивной сумкой, идущего к дому по узенькой тропинке в высоких травах. В этот момент я видел его впервые за два с половиной месяца. И то, что я испытывал в такие мгновения, мне трудно описать даже сейчас. Счастье блестело во всех стёклах, радость плескалась в озёрной чаше, восторг отражался в любом металлическом предмете. И вот уже вечером за коровами я отправлялся с теми городскими обновами, что привёз в подарок папа. С этого дня начиналась совсем иная жизнь. Я водил отца по всем «тутошним» достопримечательностям и показывал ему все те удивительности, которые обнаружил за всё время пребывания в деревне. И сам всюду ходил с отцом. Мы ездили на велосипеде на покос, ходили в лес за грибами, плавали на лодке к острову, ловили на удочку золотистых и круглых карасей. И уже маму мы встречали не на пороге дома, а в райцентре на автобусной станции. И Боже, как же мне мечталось, чтоб мы все вчетвером приехали в деревню не под конец лета, а в его начале.

Конечно, с появлением родителей мои путешествия за таинственный Закров становились крайне редкими. Случались нечастые дни, когда оба они уезжали в гости в соседние деревни, и наверно, только тогда, полуденное одиночество переносило меня в те миры. Но конечно же, всё это уже было не то. Присутствие родителей разрушало атмосферу нереальности бытия. Уплотняло, делало непроницаемой мембрану Закрова. Словно Карлсон, мой волшебный мир оставлял меня, лишь только услышав весёлые и жизнерадостные голоса мамы и папы. А потом приходили морозящие обложные дожди, и полог Закрова исчезал совсем.

В преддверии сентября, одним холодным и серым утром, прячась от дождя под брезентовыми накидками, мы покидали деревню. На долгий год, до следующих летних каникул. Эти проводы всегда были печальны. Гостинцы, пирожки в дорогу,

объятия, напутственные слова и прощания. И пока взрослые проверяли сумки и рюкзаки, я доставал из шкафа свои беленькие кроссовки. Я приезжал в них сюда и в них же держал мой путь домой. Меня одевали в резиновые сапоги, которые я должен был снять уже у автобуса, отдать их обратно бабушке и переодеться в чистенькие кроссовки. Чисто городские, нелепо смотрящиеся в этом унылом пейзаже осенней грязи, размокших кизяков, меланхоличных коров и бидонов с питьевой водой. Вынимая из кроссовок скомканные газеты, я разворачивал и рассматривал их, сидя на крыльце. Старые пожелтевшие от времени газеты рассказывали о вспаханных полях, засеянных нивах, рекордных надоях молока, съезде партии, чествовании в Доме Советов, фестивале народов СССР. А между колонок и статей на меня смотрели чёрно-белые фотографии улыбающихся счастливых людей. Людей из какого-то иного, параллельного мира. Прошли десятилетия, а я прекрасно помню всё это. Утренний запах дождя и осени. Маленький удивительно рыжий пёс понимающе смотрит из будки. Шарик на верёвочке для игры с кошкой. Забытый сестрёнкой советский резиновый заяц. И словно осколок лета, бьющаяся в стекло яркая бабочка на фоне серого неба.

А потом был путь до автобусной остановки, куда провожали нас бабушка и дядя. Я увозил с собой книги, солдатиков, подарки, какие-то поделки собственного изготовления и, конечно же, воспоминания. И взойдя на горку, оглядываясь назад, я видел то, что оставлял за спиной.

Большой старый и печальный дом, одиноко мокнувший под дождём на краю вселенной.

Сезон дождей

Так закончилось последнее лето моей жизни. Тогда, уезжая в город, я не знал этого и весело махал рукой бабушке, держащей в руках мои сапожки, и дяде со свёртками накидок под мышкой. Они улыбались, и лишь только капли дождя, непролитыми слезами, стекали по автобусному стеклу. В тот август осень пришла для нас для всех. Логично, сразу за летом. Учёба в средней школе, новые предметы, трудные уроки, секции, болезни...

Заболела бабушка, слёг в больницу дядя, тяжело заболел и я сам. Не успев начать обучение в новом классе, я оставил занятия. В те времена мой недуг был редким, экзотическим среди детей. И в день, когда на соседнем магазине появилась странная для меня надпись «хунте хана», болезнь вырвала меня из школы на долгие два месяца. И осталась со мной на всю жизнь. Мою болезнь называли сахарной и запретили сладкое. Мне назначили мягкий режим обучения и обеспечили меня острейшими стальными иглами. На каждый день. На всю жизнь.

Неизлечимо болела и вся страна. Вернувшись в классы, я снял октябратскую звёздочку и надел красный галстук. И через несколько месяцев снял его. Навсегда. Снял школьную форму и переоделся в джинсы. Переобулась и вся страна. В импортных кроссовках на босу ногу, в малиновом пиджаке страна неслась в бешеном угаре. И этот суицидальный галоп тройкой разноцветных лошадей с заставки новостного канала можно было увидеть не только по ту сторону телевизионного экрана. Его демонстрацию можно было узреть из любого российского окна. И взиравшие на всё это взрослые называли этот временной отрезок жизненного пути «проклятыми девяностыми» и старались пройти его живыми.

Мне были непонятны события, происходящие тогда. Я просто жил в этом диком потоке. И воспринимал всё происходящее вокруг меня как должное. Будучи обычным ребёнком со всеми мальчишескими мечтами и увлечениями, я повторял судьбу миллионов таких же российских пацанов. Дружил с дворовыми ребятами и дрался в школе. Играл в «войнушку» на стройке и лазил по гаражам. Увлекался пришедшей в страну зарубежной фантастикой и фэнтези. Коллекционировал вкладыши от жвачки и пустые жестяные банки из-под пива. Бегал купаться на Урал, что протекал буквально за домом, и жёг костры на пустыре. А так как учился я в школе со спортивным уклоном, то обязан был ходить в какую-нибудь секцию. И я это делал с большим удовольствием, посещая пулевую стрельбу из винтовки.

С моей «розовой» справкой путь в любые активные виды спорта в те времена был заказан. И я нашёл другой путь самореализации. И достиг на нём больших успехов. Были такие моменты, когда я серьёзно рассчитывал сделать стрельбу своей профессией. А ещё каждую осень, перед школой, я лежал в больнице по целому месяцу, что здорово накладывало отпечаток на моё формирование. И даже сформировало для меня своеобразную больничную эстетику. Но, несмотря на все лишения, больничные палаты раз в год и ежедневные проникновения «стáли» в моё детское тело, я был счастлив.

Однако, кроме сладкого, было нечто такое, чего я лишился ещё. Моего Закрова. После болезни летние каникулы в деревне были мне заказаны. Теперь я приезжал к бабушке только под контролем мамы. Отец стал работать намного

больше и вовсе не мог приезжать к нам. Менялась и сама деревня. Росли ввысь и множились количеством заборы. Стало много автомобилей. Тракторы и комбайны сдали на металлолом. Колхоз-миллионник, словно вандалы древнеримские акведуки, растащили по дворам местные жители. Из детского садика сделали магазин, в школе устроили клуб с дискотекой, деревенский клуб закрыли. В общественной бане стали жить люди. В небольшом замке из красного кирпича поселился барон этой деревни. Озеро, о котором всю жизнь заботился дед Иван, стало частной собственностью. В полях за огородами, где прежде расстилалась прибрежная даль, построили рыболовную базу. С ночлежками в вагончиках, «весёлыми» девицами и алкоголем.

Но перемены помиловали старый дом на отшибе. На своих местах остались и большое картофельное поле, и огород с колодезным «журавлём», и все лодки, и болотистый пруд, и камыши на озере, и высокие до небес травы. И даже ту тишину и уединённость, которые были прежде. Но как бы я ни старался, я не мог попасть в полуденные миры Закрова.

Это ли послужило тому виной? Изменение самого миропорядка, лишённого девственности. Слом мироздания, из которого изъяли доброту. Или быть может причиной тому были книги? Я по-прежнему много и с удовольствием читал помимо школьного курса. Но пришедшее новое время изменило и моё чтение. По большей части сделав его «нечестивым».

Нахлынувшая с Запада волна низкопробной переводной фантастики докатилась и до меня. Этот литературный поток проходил сквозь мою память не задерживаясь, однако оставляя маслянисто-жирный налёт на душевных чувствах. Тех чувствах, которые и отвечали за доступ в потаённое и сокровенное. Или, возможно, повинны мои новые игрушки, которые пришли на смену богатырям и рыцарям. Чужестранные черепашки-ниндзя были чуждыми для этого сказочного места. Бластеры трансформеров не пролазили в дверцу иного мира. Неуклюжие скафандры робозверей цеплялись за тончайшую пелену реальности. Яркие надписи на иностранном языке не могли стать теми заветными словами, что открыли бы доступ под купол потустороннего.

А может быть, причина крылась во мне самом. В том, что я вырослел с каждым годом моего летнего детства. В моём изменившемся отношении к жизни. В моём зрении, в моих глазах, которые перестали видеть волшебство момента. И стали видеть другое, тоже по-своему волшебное. В четырнадцать лет я рассмотрел в этих интересных существах девочках красивых и притягательных девушек. Они тоже изменились. Им уже не было всё равно, как они одеты, какие у них причёски, как они себя ведут и как на них смотрят мальчики. И даже если они и играли в куклы, то как-то по-новому. По серьёзному. А как волшебно изменялись год от года их тела? Они манили меня. Отвлекали меня от того другого мира, существующего рядом.

О, эти деревенские девочки...

Зима в сердце — вьюга в душе

Бабушка умерла, когда я учился уже в старших классах. Умерла зимой, в самый разгар учёбы, и я не был на её похоронах. И теперь я даже не помню наш с ней последний разговор. И очень сожалею о том, что так мало беседовал с ней и так мало запомнил её. Её, настоящую казачку, истинную хозяйку этого большого дома, и человека, который понимал меня и за меня молился.

Эта зима стала началом зимы моей жизни. А эта смерть открыла сезон трагедий. Другой зимой, тремя годами позже, не стало моей сестрёнки.

— Врачебная ошибка. — Пожимал плечами хирург, оперировавший её. — Так бывает...

Молодой и горячий, я страшно жаждал встретиться этого врача и «поговорить» с ним по душам. Но мама отказывалась назвать мне его фамилию. Она считала, что, наверно, да, так бывает, что, привезя дочь в больницу с прыщом над бровью, родители слышат через неделю приговор: «кома... сепсис головного мозга... недели две от силы». Но долго, весь нескончаемый февраль, сестра пробыла в реанимации. Пронзённая сразу несколькими трубками, её юное тело не хотело умирать. Каждый вечер мы, оставшиеся втроём, готовили ей еду на следующий день. Несколько блюд, а затем перетирали их в однородную пасту. Для кормления через трубку. И каждое утро, рано, первой из всех жителей дома мама несла термосы с пищей в больницу.

Зима в тот год была удивительно снежной и метелистой. Мама с усилием открывала подъездную дверь, подпёртую здоровенным сугробом, и, протапывая тропку, оставляла глубокие следы в никем не тронutom снегу. Холод, серость, мгла, сумерки и тишина царили в нашей квартире. Мы работали, готовили пищу, перетирали и молились. Это и поддержка со стороны многих — и очень часто совсем незнакомых людей — укрепляла нас. Каждый день мы слышали слова утешения, уверенности и предложения о помощи. И каждый день наша семья получала деньги. Маме пришлось уйти с работы, но люди несли и несли деньги. С работы мамы, со службы отца, товарищи по цеху, знакомые с квартала, рабочие, начальники, соседи и просто люди с большой буквы, случайно узнавшие о нашей беде. Нам передавали газетные свёртки с купюрами разного достоинства, выписывали в качестве премии, подкладывали в карманы одежды, опускали конверты в почтовый ящик. Чтоб мы не смогли отказаться, передавали через третьих лиц. «От отдела кадров», «КИП», «Бухгалтерия», «Маляры», «Гараж», «Механики»... — было написано на иных свёртках. Многие были безымянны. Но ни один из таких даров не был подписан именем и фамилией.

Разве мог этот искренний душевный порыв такого количества людей пропасть втуне?

А в самом начале марта маме позвонили из больницы. Этого звонка ждала наша семья. И за долгий месяц как-то примирилась с его неизбежностью. Но, несмотря на это, услышанное ошеломило нас. Моя сестрёнка пришла в себя, и их с мамой переводят в палату. Да, парализованная, но сестра осталась жива, но та девушка, которую я увидел на больничной койке через три месяца, мало чем походила на мою сестру. Это была ещё одна моя сестра. Похожая... но не она. Высокая, чернобровая, красавица-казачка, проучившаяся только полгода

в десятом классе, осталось в той долгой и суровой зиме 1999-го. «Проклятые девяностые» уходили и напоследок забрали её.

В тот март я всё же встретился с этим хирургом. Хотя и узнал об этом гораздо позже. Коварная весенняя оттепель сыграла со мной злую шутку и я серьёзно простудился. Не желая пугать маму, которая и без того едва не потеряла дочь и сейчас находилась с ней в хирургическом отделении, я тянул до последнего. Самолечился. В результате срочная госпитализация и полночная операция. Так, я попал в ту же больницу, в тот же корпус, в то же отделение. И в ту же палату. Ни один голливудский фильм ужаса не сможет показать страшней картины, когда вдруг неожиданно в палату, где лежит её парализованная дочь, моей матери привезли ещё не пришедшего в себя после анестезии сына. Стоя между двух кроватей, на которых лежат её дети... только Господь знает, что творилось тогда у неё в душе.

Мы все выжили. Это не смогло сломать хребет нашей семье. Но с той поры наша жизнь осталась горбатой. До самой могилы. Всей нашей прошлой жизни больше не существовало. Но новая жизнь требовала действий. В самом конце мая мы увезли сестрёнку в деревню на восстановление. Это была странная поездка. С мамой и папой, с сестрой, мы в самом начале лета на собственной машине ехали отдыхать в нашу деревню. Моя детская мечта сбылась. Исполнилась каким-то жутким циничным образом.

Дом встретил нас, и я не узнал его. Он сильно постарел. Осел, голова поседела мхом, глаза были прикрыты веками ставней, а заднее крыльцо подпирали стальной костыль. Со смертью его хозяйки дом начал разрушаться с обречённой безысходностью. Но он тоже не был мёртв. Дядя Вова, живший в нём вечным бобылём, теплил жизнь этого большого и старого казачьего имения. Заняв меньшую его часть, он предоставил нам ту, где жила бабушка. Ту, где всё оставалось так, как и прежде. Казалось, хозяйка вышла за водой, и вот сейчас вернётся. Здесь везде, куда бы ты ни пошёл, оставались вещи прежних хозяев дома. Дед Иван, бабушка Александра незримо присутствовали в своём доме. И смотрели на нас со старинных фотографий на стенах.

Но, как это ни странно, это лето пошло на пользу нам всем. Заботливый и добродушный дядя, многочисленные родственники, знакомые, деревенская пища, свежий воздух, возрождающаяся после зимней комы природа. Ну и конечно, само это место. По-настоящему место силы. Всё оно — и дом, и пруд, и поля, и лес, и это большое древнее озеро, — всё это было буквально напитано энергией тех многих людей и поколений, которые жили здесь. Людей сильных, стойких и жизнелюбивых. Сестра очень медленно, но возвращалась к жизни, и, глядя на это, родители воспаряли духом. Солнце выходило из-за туч. Рассеивалась мгла, и отступал мрак из наших душ. Но рубец на сердце нашей семьи остался навсегда. Как и больше никогда не стала прежней моя сестрёнка Иришка.

Эта поездка самым благоприятным образом подействовала и на меня. Моих друзей по играм в деревне уже было не сыскать. Кто-то служил в армии. Некоторые поступили в городские училища. Многие уже работали. А некоторые отбывали сроки в местах не столь отдалённых. Девочки повзрослели, и их было не узнать. Но в это лето мне было не до них.

Я переживал произошедшее и оставался один. Во мне всё ещё кипели сильные чувства. Гнев и жажда справедливости заряжали меня. Я был заводным

апельсином. И это не могло не вылиться в результат. Самые коварные злодеи моего будущего романа, самые преданные друзья, самые сильные сцены, самые драматические моменты были придуманы именно в это время. Но этот выплеск помог мне справиться с бурей у меня в душе. Всё остальное сделала жизнь в деревне. Находя отдохновение в помощи по дому, я работал на грядках, чинил с отцом дом или же пролёживал на сеновале с книгой. Тогда моим увлечением были книги о космосе. И он, прежде обделённый моим пристальным взглядом, ныне подвергся посильному изучению.

Моё поколение было последним, кто в школьной программе проходил астрономию. И вот, оставив одиннадцатый класс позади, я вынес из него интерес к устройству Вселенной. Меня занимал космос настолько, что я перестал спать дома и устроил себе кровать в машине. Разложив оба ряда сидений в нашем «Москвиче-2141», я мог наблюдать ночное небо в большое стекло пятой двери багажника. Я смотрел на черноту космоса, на яркие звёзды, на их причудливые композиции и мечтал. И засыпал с вселенной в голове. Тогда, впервые за десять лет, мне приснился мой мир Закрова. Нет, я не был в нём хозяином. Пребывал там не как прежде, осознанно, управляемо, ощущая его всеми своими чувствами. Это был просто сон, в котором я видел вселенную моего детства. И несмотря на это, я был счастлив. Словно встретил самого лучшего давно утраченного друга. «И для меня воскресли вновь»: и бескрайний купол неба, и трава до неба, и таинственные глубины озера, и удивительные существа, населяющие это подзакровный мир. Мои руки сами отложили в сторону книгу, достали старую дядину тетрадь и нашли в бабушкином буфете последнюю советскую ручку.

Должно быть, в тот момент я и стал писателем.

Но и читать я не перестал. Классики из школьной программы, современники из большой домашней библиотеки родителей прошли через меня, преломились и отложились в сознании. А вот широчайший ассортимент фантастики на полках магазинов мало тронул меня. Кроме, конечно, профессора Толкина. Его «Властелин колец» был прочитан мной ещё в школе и стал для меня любимейшей книгой на весь подростковый период. С удовольствием я читал и научно-популярную литературу. Однако с макрокосмоса мои интересы плавно перетекли к микрокосмосу. На любительском популяризаторском уровне меня заинтересовали квантовые науки. Утратив с возрастом детскую наивность и купно с ней возможность дивных видений, я открыл для себя совсем иные знания. Знания как строго научные, так и духовные. Но все они, словно музыка теории струн на гитарном грифе истории, лишь создавали для меня красивую мелодию. Не объясняя, как всё же зарождается волшебство её мелодики. Как ткётся сказка её ритмов.

Пробыв с отцом в деревне большую часть лета, устроив маму с сестрой и наладив им быт, мы с ним уехали в город. Провожая нас, мама открыла мне тайну — меня оперировал тот же хирург, что и мою сестру. Она попросила не искать встречи с ним. И я согласился. Этот июнь изменил меня, и те чувства, что испытывал я в феврале, растаяли этим летом. Но жизнь странным, причудливым и непонятным для меня образом вела наши жизни. И этот врач появился в моей жизни ещё не раз. В достаточно большом полумиллионном городе, где много больниц, поликлиник и медцентров, Господь трижды пересекал и даже сводил наши жизненные пути. Исполняя просьбу мамы, я не открывался ему. Но жизнь долгая, и кто ведаёт, как сложится, если вдруг мы встретимся вновь? Ведь «пути Господни неисповедимы».

Возвратные холода

Годы шли и подходили к десятилетию. Но старую тетрадь я так и не продолжил. Мои записи путешествий по Закрову я отложил в «долгий ящик». Стало просто не до них. Жизнь подростка перешла в жизнь молодого мужчины. У меня появилась работа, которая меня не только устраивала, но и приносила интересные знакомства, доход и удовлетворение. Я работал компьютерным дизайнером, и, несмотря на то что нигде на него не учился, получалось у меня преотлично. Оно и понятно, ведь моя мама художник. А как отмечали все вокруг, я пошёл в маму. Кроме того, мне и самому было страшно интересно совершенствоваться в своём деле. Ну а новые ступени по пути к совершенству поднимали меня и по карьерной лестнице. В моём городе она была не слишком высока, но я мечтал дойти до её вершины. И потому уделял дизайну всё свободное время.

Другим же моим интересом были девушки.

А если быть честным, то тогда это был мой первейший интерес. Кроме того, что жизнь моя и без того постоянно помещала меня в женские коллективы, я сам искал таковых встреч. Несмотря на то, что первая из них окончилась неудачей. Это приключилось ещё в детском саду. Я так настойчиво пытался познакомиться с девочками, что они побили меня. Я сделал выводы, и уже в школе мои одноклассницы воспринимали меня как своего. Своего друга. Они просили меня о помощи, когда требовалась мужская сила. Тащили на обязательные выставки, когда все мои друзья мальчишки сбегали. Приглашали на дни рождения. Дарили мне подарки и даже доверяли свои секреты. Но это и всё. А уже в старших классах они передавали через меня записочки одноклассникам. Я опять сделал выводы и перестал быть плюшевым медвежонком, которого берут с собой в кровать. Я сам стал брать девушек в свою постель.

«Плюшевая» вечно молодая моя внешность, симпатичное лицо способствовали знакомствам с девушками. Сверстницы не видели во мне серьёзного спутника в семейной жизни и по-прежнему считали меня другом. Не более. Но вот девы более юные приветливо улыбались моим заигрываниям с ними. И с удовольствием отвечали взаимностью. Практически не существовало такого места, где бы я ни предпринимал попытку познакомиться. А в иных местах города девчата с удовольствием следовали принципу «белого танца». Им, порой едва ли не на десять лет младше меня, импонировал мой возраст, мой статус, моя работа, заработки, машина. К тому времени я понял, что карьера дизайнера не для меня. Я хотел большего, нежели рисовать на заказ полиграфическую рекламную продукцию. Я сам мечтал создавать рекламу и даже создать свой бизнес. А потому поступил в университет на соответствующий факультет. И весёлая жизнь захлестнула меня. «Жирные», словно нефть, нулевые совпали со второй половиной моего двадцатого десятка. Я шагал по этой жизни, легко меняя места работы, съёмные квартиры, автомобили и девушек, по принципу «лучшее не враг хорошему». Череду красивых и молодых лиц, калейдоскоп изящных и обнажённых тел, вечеринки, дискотеки, клубы, кафе.... Сумасшедший угар, который казался мне тогда ярким карнавалом в Рио. Мои восемнадцатилетние барышни не желали торопиться с узами брака. И я не подгонял этот процесс. Я ждал ту одну, которая явилась бы идеалом всего того, что я искал в девушках. Красоты и сексуальности.

И таковой идеал у меня уже имелся.

С этим своим образом жизни я совсем редко стал приезжать в деревню. Родители по-прежнему жили всё тёплое время в большом уже начавшим разрушаться доме. К тому времени в одну малоснежную зиму умер и мой дядя Вова, а его половину периодически занимали различные внуки и племянники. Они приезжали искупаться, позагорать, пожарить шашлыки и, как говорят у нас в деревне, «пофестивалить». И по большому счёту, интерес у меня в деревне остался только один. Белокожая Наоми Кэмпбелл, белокурая пантера, она была такая же красивая обликом и такая же агрессивная характером. И даже странно, как такая «голливудская» топ-модель выросла в такой русской деревне. Я знал её давно, с самого её детства, и уже с четырнадцати лет оказывал знаки внимания. Для меня она была похожа на Дубравку, героиню одного из моих любимых кинофильмов. Мать, с которой моя Дубравка жила вдвоём в маленькой избушке, сразу же дала согласие на нашу будущую свадьбу. Обе они, нагоревавшись в одиночку с большим хозяйством, мечтали выбраться из деревенской жизни в городской уют. И вот, дождавшись окончания школы, я перевёз эту хищную кошку в город. От родственников в деревне я многое знал про эту кошку. Знал, что она гуляет по ночам. Знал, что она лакомится с чужих рук. Что она греется у чужого очага. Но разве я сам, ожидая её взросления в большом и полном соблазном мегаполисе, «завязывал своё влечение узелком»? И сами собой у нас возникли устные договорённости, что жизнь до переезда в город принадлежит только нам самим. А вот потом...

А потом я ослеп.

Стоит ли говорить, в какое время года это произошло? Но это не произошло вдруг. Первые «звоночки» тенькнули уже два года назад. Специалист, к которому я обратился, сказал, что мне необходимо бросать мою работу компьютерным дизайнером. Другими словами, он предложил мне полностью поменять свою жизнь. И это меня совсем не устраивало. Моя работа не просто кормила меня, она давала мне весь образ моей жизни и обеспечивала планы на будущее их реализацией. Но и отмахиваться от грозящего я был не намерен. Мой план был прост — дотянуть до окончания университета и уйти от компьютера с дизайнерскими программами к столу специалиста по рекламе с альбомом для зарисовок. И мне даже это удалось. Пусть на пару месяцев, но я стал руководителем рекламного отдела в Ледовом дворце. До защиты диплома оставалось каких-то полгода, и, не дожидаясь этого, дирекция дворца приняла меня на работу. Но было уже поздно. Процесс в сетчатке оказался необратим, и проснувшись одним утром, я не увидел ни своей комнаты, ни той, которая спала рядом на постели. Белогривая пантера была последним человеком, которого я видел в своей жизни. А логотип ночного клуба, фирменный стиль которого я прорабатывал перед сном, последней моей работой.

Красота не спасла мой мир.

Конечно, потом были многочисленные попытки вернуть всё назад. Поездки по стране, больницы, клиники, НИИ. Офтальмологи, окулисты, профессора, академики. И много-много денег, потраченные на всё это. Потраченные, чтоб услышать от всех врачей один диагноз — слепота. Это длилось два года. Два года симулякра прежней жизни. Тогда как она окончилась в то незабываемое утро. В промежутках между операциями я созванивался по телефону с клиентами, извинялся, говорил, что приболел, пытался руководить процессом. Рабочим, и процессом своей жизни. А потом просто ушёл из дома.

Характер. Таков уж он у меня был в то время. Я никогда не доводил дела

до проигрыша. И всегда либо выигрывал, либо выходил из игры. Чтоб не быть побеждённым, и чтоб не быть брошенным. Было жаркое лето, и, стоя вечером на балконе съёмной квартиры, я ожидал. Ожидал звонка от моего начальника и приезда той, с которой делил эту квартиру. Я сам устроил её на одну очень завидную работу и теперь нервничал по поводу её задержки. В моей голове вертелась фраза: «Кошка, которая гуляет сама по себе». Я дышал августовским воздухом и слушал популярную тогда песню группы ДДТ. Песню под названием «Новая жизнь».

— Новая жизнь никогда не даётся даром, — пел Юрий Шевчук в салоне автомобиля на расстоянии двадцати этажей вниз.

Сейчас я уже не помню, какая логическая цепочка привела меня к этой мысли. Я думал о своей работе, о своей девушке, о невозможном и несбыточном, о мечтах и потерях. О том, что глупо цепляться за то, что уже не твоё. И о том, что новая жизнь — это не конец, а начало нового пути.

«Дорога всегда важнее цели. А цель — это лишь награда в бесконечном пути, — напоминал я себе своё же кредо, уже выстраивая в голове план действия. — Главное, это дорога. А дорогу осилит идущий. И даже слепота не помешает тебе идти по ней, пусть и на ощупь. Что же до целей, то их ты всегда умел ставить».

Затем я взял все необходимые вещи, вызвал такси и уехал домой. В мой родительский дом. В то время отец как раз приезжал с деревни по делам. Я позвонил своей обескураженной пантере, объяснился, простился, и уже на утро мы с папой ехали в деревню. Там, за спиной, я оставил всё, что только осталось у меня от прежней жизни. Возможно, это было неправильно, и даже, может быть, я поступил малодушно. Но как показала дальнейшая жизнь, это оказалось самым верным решением. Другая жизнь уже в самом её начале трудно далась мне и потребовала расстаться ещё с двумя хорошими девушками. Обе они нашли меня и предложили быть вместе, как только узнали о том, что со мной случилось. Я был благодарен им. Но обе они были из моего прошлого. Где я их и оставил. А та, которую я последней видел в своей жизни, превратилась из пантеры в домашнюю кошку. Жизнь тоже не реализовала её мечты. И убегая от деревенской жизни в огни мегаполиса, она вернулась обратно. Став женой фермера, она обзавелась большой семьёй и хозяйством. Что в конце концов стало для неё спасением.

Но перемены продолжились и в деревне. Нам с отцом пришлось разобрать большой старый дом. Используя его в качестве базы отдыха внуки и племянники не могли и не желали отремонтировать его. И уж тем более ни у кого из них не было денег для постройки нового. И как это ни странно, за такую грандиозную стройку взялся мой отец. Городской мальчик, родившийся в советском мегаполисе и проживший в нём до самой пенсии, он решил построить новый дом точно на месте старого и поселиться в нём. В отличие от мамы, он не был приспособлен к жизни в селе, не имел нужных навыков. Но эти края, этот уральский уголок природы... это озеро не могли оставить равнодушным никого. Отец решил освоить эту стихию по имени «деревенская жизнь». Ослепший я был плохим ему помощником в строительстве. И пребывая в съёмном доме неподалёку, только получал известия о ходе дела. Без меня разобрали старый дом. Без меня вывезли все его оставшиеся части, без меня был поставлен новый, большой, в два этажа, с настоящим чердаком, крепкий, каменный, на века. От прежнего деревянного остались его резные детали — ставни, элементы крыльца и ворот. Остались сети с большими железными кольцами. А также многочисленные детали

ручной кузни. Это были самодельные гранёные гвозди, ручки, кольца и прочая «кованина», которую делал когда-то мой прадед. А ещё при сломе избы отец нашёл много такого, что было утеряно её хозяевами за все поколения их жизни в нём. Монеты разных времён, дореволюционная ложечка, ржавый патрон, медное колечко и две совершенно разные латунные пуговицы. С рельефными символами двуглавого орла и пятиконечной звезды. Ставшие для меня настоящими семейными реликвиями.

Новый дом не смог изменить прежнюю атмосферу этого места. Ведь всё ещё оставались и деревянный забор на задах, и сруб большого сарая, и маленькая банька, и сад с его старыми деревьями, и даже колодец с «журавелем». Чёткие углы и черепичная крыша нового дома, новые красивые ворота, забор из профнастила, прозрачный навес во дворе — всё это очень быстро было как бы поглощено природой этого места. В дом проникли старые запахи деревянной избы, ворота обрели резные элементы прежних, а сохранённые ставни, словно декоративные панно, оживили холодное железо забора. Травы уже в первое лето обступили новый дом, покрыли зеленью камуфляжа. С годами сероватые камни отмостки стали мшистыми. Дом дал усадку, и сама земля приняла его. Дом вписался в это древнее место. Он был принят им.

Да и пруд, камыши, лес, само озеро также остались на своих прежних местах. Наш огород выходил на ту часть берега, где был расположен пляж, прежде называвшийся девичьим. Теперь здесь никто не купался, и подходы к нему поросли быльём. Теперь здесь часто бывал я. В любую погоду приходил я на его берег и, останавливаясь возле самой кромки воды, подолгу сидел на песке. Когда-то давно мальчишкой я прокрадывался огородом, ложился на землю и, раздвинув руками высоченные травинки, подглядывал за барахтающимися в волнах девочками. Никаких пошлых мыслей. Только любопытство и любованье. Маленькие феи плескались в воде, сидя на корточках, лепили из песка, играли в куклы и даже пели песни. Песни советских детей и песни советской эстрады о взрослой любви. Позднее выросшие мы убегали сюда, на девичий пляж, купаться голышом под ночными звёздами. Теперь же над этим местом летают здоровенные мартыны, и в камышах смеётся выпь.

И здесь далеко не сразу каждый год нашего приезда в деревню я стал понимать озеро. Этому пытался научить меня ещё в детстве дядя Вова. Как его когда-то научил его отец — мой дед Иван. Но тогда сам дядя был уже стариком, и он умел слышать и разговаривать со своим морем. Понимала озеро и моя мама, дочь рыбака.

«Ты знаешь, — сказала она однажды мне, — я не могу теперь осознавать озеро как просто воду. Я его воспринимаю как живое существо. Как что-то большое и разумное. И это не оно рядом с нами, а мы живём с ним по соседству».

Я был маленьким и воспринял её слова как красивую метафору. Но тогда мне все эти премудрости были непонятны. Ничего особенного я не слышал в звуке волн, не видел в многоцветии воды, не ощущал в запахах, приносимых ветром. Озеро должно было разговаривать со мной, но для меня тогдашнего оно молчало. Теперь я знаю причину этого. Озеро требует одиночества. Чтоб почувствовать озеро, с ним необходимо быть один на один. И только человек, всю жизнь живущий с ним бок о бок, способен на такое. Так, лесник, погружённый в царство деревьев, понимает и чувствует свой лес. И стоя на этом берегу, в ветреные и пасмурные дни, с закрытыми слепотой глазами, я видел, слышал и чувствовал это огромное

количество воды. Не как водоём. Не как стихию. А как живое существо с эмоциями и разумом. Двигающееся, дышащее, мыслящее.

И диалектика, которой я увлекался тогда, прекрасно это объясняла. Категории «одно» и «многое» не связаны с понятием границы — так звучит один из её законов. Одно от многого неотделимо, поскольку в каждом макрокосме всегда есть свой микрокосм. Потому границы перехода от одного во многое не существует. А раз границы нет, то оно просто не может не переходить одно во многое и многое в одно. Непрерывный переход одного в другое и обратно. Так же озеро, оно одно, и оно состоит из многого. А это многое: рыбы, водоросли, раки, рачки, планктоны, инфузории, бактерии... это всё живые организмы. А значит, и озеро живое. А то, что оно разумное, я также находил подтверждение в этой науке. В законе о переходе количественного в качественное. Неисчислимо множество озёрных существ, составляющих единую экосистему, просто обязаны были соединиться ещё и своими зачаточными разумами. И обрести единый нечеловеческий, непознаваемый до конца людьми, но всё же жаждущий контакта Разум.

Это принесло мне и ещё одно на сей раз печальное открытие. Приезжая в деревню и оставаясь здесь подолгу, я так и не мог попасть в мой таинственный мир детства. Тот полог сказки, что так легко поднимался для меня, мальчонки, стал настоящим железным занавесом. И казалось, что, будучи незрячим, я ещё больше отдалился от него. Неожиданно я понял, почему больше не могу попасть в иномирье Закрова. Дело в том, что ребёнком, наивным и не обременённым грехами этого мира, чем-то бесплотным, на каком-то метафизическом уровне я был связан с миром Закрова. Я был одним из его множества и мог переходить в его целое состояние. Становиться им одним, миром Закровом. Возможно, это было свойство моего разума, а возможно — души. Но теперь же, изменившись и тем и другим, испортив и то и другое, я был исключён из этой общности. Стал несовместимым с миром моего детства. Как и слепота, изменившая меня, сделала меня несовместимым с моим миром прошлой жизни.

Новые горизонты

Что же эта другая жизнь, о котором пел голос Юрия Шевчука в той далёкой по времени автомагнитоле? Дверь в новый мир открыло для меня общество слепых. Наверно, года два прошло, прежде чем я переступил его порог. Я и сейчас не в полной мере ассоциирую себя с незрячим сообществом. А тогда, когда прошлая жизнь ещё управляла мной, одна только мысль обратиться к «этим слепым» была невозможна. У меня было много друзей, знакомых и девушек, всегда готовых посмеяться в шумной компании. Но уже к концу первого года моего незрячего существования у меня остался один только брат и одна, приходящая девушка. Меня удручало это, но и не являлось чем-то удивительным. Философски подойдя к этому факту, я вывел формулу: «Количество оставшихся друзей равно процентам оставшегося зрения». И не желая просто так сидеть дома, я познакомился с молодыми незрячими людьми, которые и привели меня в городское общество слепых. Нет, я не стал местным завсегдатаем. Не стал играть на баяне, петь под него и устраивать шахматные баталии с себе подобными. Но я вынес из его недр главное — ключи от безграничного мира Интернет. И обнаружил в нём другой безграничный мир. Книжный. Однако теперь я интересовался не только развлекательным чтивом, но и совсем иными книгами. Такими, как «Диалектика», «Теория струн» и «Единая квантовая реальность». И благодаря им мой взгляд на таинственный мир из детства стал вполне научным.

Особенно меня заинтересовали труды советско-российского учёного, профессора, доктора физико-математических наук Михаила Борисовича Менского. Его квантовая концепция сознания, внесла нетривиальный вклад в теорию множества миров. Удивительно, как этот образованнейший человек легко и непринуждённо, но исключительно на научном базисе доказывает реальности жизни в параллельных мирах. Его концепция связана с проблемой эффекта наблюдателя, при которой наблюдающий человек способен воздействовать на превращение энергии в материю. Михаил Борисович считал, что для перехода по мирам мультивселенной требуется отключить сознание. И кроме прочих возможностей, это можно сделать, погрузившись в особый сон. Его изыскания поражают разум своими выводами. По которым сама наука доказывала, что мир Закрова реален. А я был тем самым наблюдателем.

Моя новая жизнь. Мои новые цели. Конечно, моя деятельная натура не могла обойтись без них. А за целями сами собой открылись пути к их реализации. И как это ни странно, часть из этих целей, получив коррекцию в новых реалиях, перешла ко мне из прошлой жизни. Так, например, я возобновил моё юношеское и уже почти забытое занятие спортивной стрельбой. Но уже будучи незрячим. И на совершенно ином уровне. Я не только освоил «слепое» обращение со спортивной винтовкой, но и научился ремонтировать и обслуживать её. Путь был трудным, но уже покорённым. На нём меня вдохновлял Заслуженный изобретатель РСФСР, полностью слепой конструктор стрелкового оружия Марголин Михаил Владимирович. Но как стрелять, не имея зрения? Это был настоящий вызов. Идти по уже проложенному пути, используя приспособления паралимпийцев, я не мог. Такой секции в моём городе не было, а приобретать самому данные стрелковые спецсредства было крайне дорого. И тогда я начал экспериментировать. Беспроводной дверной звонок с кнопкой вызова для стрельбы на слух был первым моим изобретением. Затем последовал громоздкий и избыточный охотничий

теплопеленгатор. Был у меня и механизм из детской игрушки, позволяющий наводиться по датчику. И ничего из этого не удовлетворило меня абсолютно. Но, я уверен, путь выбран верно, и шаг за шагом я буду идти по нему. Впереди у меня знакомство с таким интересным изобретением человека, как бытовой пирометр.

На любительском уровне я стал изучать историю. И использовать в качестве иллюстративного материала фигурки и модели. Мне было необходимо не просто знать героические страницы Великой Отечественной, но и знать, как выглядели солдаты, боевая техника, стрелковое оружие. Не только понимать причины смуты, но и представлять её участников. Книги, учебники, энциклопедии, справочники — всю эту литературу в электронном виде предоставляли мне сервисы Общества слепых. Каждая прочитанная книга отправлялась на виртуальную полку, а на книжную полку квартиры ставились учебные пособия пройденного материала. Но количество прочитанного накапливалось во мне горячим желанием писать.

Стать крупным журналистом — ещё одна поставленная мною цель. Цель трудная, ведь в этом случае я «играю на поле» полноценным зрением людей. Это мир, где не смотрят на твои ограничения. Здесь царят конкуренция и высокие стандарты. Мои первые шаги в этом направлении уже сделаны. Но путь долог, и я уверен в своих силах.

В своих пока ещё редких статьях я не смог полностью реализовать мою жажду писать. И через долгих пять лет вызревания на полке появилась первая и пока единственная книга. Я действительно долго шёл к её написанию. От деревенских почеркушек, сделанных в то лето, когда пошла на поправку моя сестра, и до первых страниц, покрытых печатными буквами в текстовом редакторе. Задумка, развитие идеи, сбор материала, наброски... я прошёл весь этот путь. Да, мне было что рассказать читателю! И теперь я уже не торопился. «Примерив» кресло-качалку профессора Толкина, взяв его роман за идеал, я начал планомерно создавать мироздание будущего романа. Я вложил в книгу весь опыт, полученный в моём сказочном мире детства, его тайны, загадочных обитателей, впечатляющие локации, его удивительные законы. Я перенёс на страницы романа всё, что поразило меня, что впечатлило, что тронуло.словно индийский ремесленник из касты ткачей, я придирчиво отбирал нити из моей жизни, бережно клал их на станок и собирал из них полотно романа. Я искал самое интересное, самое яркое и чудесное из моей жизни и вплетал эти нити в холст рукописи. А потом всё это было переработано мной с использованием тех знаний, которые я получил, уже будучи незрячим. Одними из них было знание старославянского языка. Он понадобился, чтоб сделать роман аутентичным и ярким на выражения. Мне повезло, и моим проводником в славянский язык стал настоящий кандидат филологических наук. Летом в деревне я писал основной текст романа. Приезжая же на зиму в город, я правил текст, вносил коррективы и порой переписывал целые главы. Городская квартира отлично подходила для таких рабочих моментов. Но создание мира получалось только в непосредственной близости от места действий происходящих в книге. Мир Закров словно сам перетекал в роман. Живой, реально существующий, он путём кодировки в буквенные знаки был помещён на страницы книги. Чтоб затем, будучи прочитанным, вновь расцвести, раскрыться вселенной. Так была создана рукопись, уже готовая к изданию.

А затем произошло событие, что вновь перевернуло мою жизнь.

Долгий путь домой

Она пришла ко мне не сказать чтоб вдруг. Я искал Её, даже будучи слепым. Искал, можно сказать, что на ощупь. И я нашёл Её. Одну, любимую, раз и навсегда. Видел ли я Её прежде, встречал ли на улицах города? Возможно, ведь здание худграфа, на котором Она училась, находилось по соседству от моего дома. Возможно, я даже делал попытку познакомиться с Ней, молоденькой студенткой, идущей на занятие с тяжёлым мольбертом в руках. И конечно же, Она отвергла сладкоречивые «подкаты» несерьёзного на вид стилиста из внедорожника. Но теперь Она пришла, и впервые в жизни красота Её облика отошла для меня на второй план. Я не знал, насколько красиво Её лицо, но я знал, насколько красива и чиста Её душа. Насколько отзывчивое и верное, Её любящее сердце. Это был великий дар в моей новой жизни. Но, как известно, «новая жизнь никогда не даётся даром». И всегда требует жертв.

В нашей встрече большую роль сыграла моя двоюродная сестра. Это был человек, живший «со крестом» в душе и сердце. Это был человек, который спешил делать добро. И её помощь в том, что я нашёл супругу, оказалась последней в этом мире. Лена умерла вскоре после того, как порадовалась у нас на свадьбе. И на этот раз она не просто умерла зимой. По дороге от одной деревни к другой Лена попала в буран, сбилась с пути и замёрзла насмерть. Сама зима пришла за ней.

Совместная жизнь с девушками была мне хорошо знакома. А вот жизнь семьёй, с планами на будущее, с общими делами и распределением обязанностей была в новинку. Но не в тягость. Художница в доме преобразила и раскрасила в яркие цвета не только мою незрячую жизнь. Она с энтузиазмом взялась за мою книгу. Где сама, а где при помощи людей, работающих с компьютерной графикой, она проиллюстрировала мой роман именно так, как я его представлял. Как я видел эту вселенную в своём детстве. И это был интереснейший опыт! Я описывал требуемое изображение, максимально используя богатейший русский язык. Для объяснения поз персонажей были куплены две антропоморфные куклы на шарнирах. А чтоб передать такие детали, как элементы костюма, доспехов, украшений, рассказать, как выглядит та или иная сказочная постройка, я взял уроки лепки. Полимерная глина для моделирования стала моим новым увлечением, при помощи которой я мог не только повторять уже выдуманное, но и выдумывать новое. Так появились портреты героев, сцены битв, чертежи построек, атмосферные пейзажи, цветные развороты, фэнтезийное вооружение в детальной прорисовке. И удивительное дело, уже под конец нашей работы мой мозг, нагруженный картинками происходящего в романе, начал показывать мне чудесные сновидения. Я ходил по написанному мною миру, жил в сказочной стране моего детства, парил под его куполом.

Ко мне пришли сны про Закров.

Прошло ещё десять лет, наша семья стала больше на два человека, однако происходившее со мной в детстве неясно мне и ныне. Нечаянные сновидения в полдень, видение возможной, но не сбывшейся истории, миры параллельной вселенной, воплощение теории Хью Эверетта, маревые видения юного разума или же проникновение одного мира в другой — это до сих пор остаётся таинственной загадкой моего бытия. Но книга, описывающая тот сказочный мир, существует. Она рождена в давно минувших летах. В том подходившем к исходу лете, что стало

последним в моём счастливом советском детстве. Ибо время моего детства — это и время всеобщего детства всей страны. Тогда-то, на изломе лета века, к исходу подходил весь привычный, простой и невинный мир. Года те, словно торжественно седые паруса «Испаньолы», не в силах превозмочь ветер перемен скрываются за горизонтом истории. Уменьшаясь, плывут они в мечты. Плывут прочь.

Нет уже того древнего деревянного дома, нет его обитателей, нет и того дивного, доброго духа, что сказкой наяву пронизывал ту землю. Но остался я, остались живые свидетели той сказки, остались те замечательные и неповторимые места моей малой Родины, а значит, остались и воспоминания о бывшем, пережитом, ушедшем, но вновь вернувшемся и увидевшем свет на страницах этой книги. Пережив всё то, что подал мне Господь, я понимаю, что у жизни нет лета и нет зимы. Так же, как и в природе, в жизни человеческой происходит смена этих времён. Наградой же мне служит зачитанная дочкой до дыр наша с супругой книга. И мой младший сын, с восторгом признавшийся мне однажды летом в деревне, какой интересный сон он видел, когда уснул в старой лодке.

И присаживаясь на уровень голов пластмассовых советских солдатиков, выстроенных на гребне перевёрнутой лодки, я вновь и вновь смотрю их глазами на вдруг оказавшийся сказочным и необычным огромный окружающий мир. Совершенно по-новому, по-иному, по-иномирному... сизнова воспринимаю зелёное море травяных дебрей под собой. Вновь, как мальчишка, погружаюсь в мечты. Мечты. И тот давний дар иначе чувствовать ветер, слышать запахи, зреть краски, ощущать ткань мира и законы его мироздания вновь возвращается ко мне. Возвращается семенами великих трав, проросших со страниц романа, проходящих сквозь моё сердце и достающих до небес. Возвращается дар откинуть полог-пролог к огромному и уже реально существующему миру. Потому что, как сказал ещё один великий русский учёный, нобелевский лауреат Илья Пригожин: «Жизнь возникает всякий раз, когда появляется некий текст и соответствующий ему “читатель”».